

Макаров Максим
Сергеевич

Стихи в календаре
(сборник)

6+

Максим Сергеевич Макаров

Стихи в календаре. Сборник

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67104381

SelfPub; 2023

Аннотация

Сборник содержит стихи о каждом месяце года. Впервые опубликован в журнале "Российская литература" (2016, №1), подборка стихов также напечатана в сборнике "Горю Поэзии Огнем" (Санкт-Петербург, 2020). Часть стихов приводится в новой редакции.

Максим Макаров

Стихи в календаре.

Сборник

Предисловие

С января до января
Делом тешимся бумажным:
На листке календаря
Пишем коротко о важном.
Пишем – и выходит проза
О вреде жары с морозом.
Знаем ведь: придет мороз –
Все полезное испортит;
Оттого живем без грез
И печальны свечки в торте.
Чтобы зря не горевать,
Словно старый лист на ветке,
Я задумал рифмовать
Календарные заметки.
Дурен день или хорош –
Со стихами интересней.
В каждом месяце найдешь
Содержание для песни.
Старый Новый Год

Из шаров уходит гелий,
Догорел в свече фитиль.
Ворохом с уставших елей
Облетают конфетти.
Вот и кончен старый праздник.
Только грезам нет конца –
Новый снег наши сердца
Россыпью алмазов дразнит.
И, как будто между делом
Прикрывая грязь и лед,
Он писать не устает
Строчки белые на белом.
Ты прочтешь их, я прочту –
До чего же почерк чуден! –
Вспомним прежнюю мечту
И, пожалуй, не забудем.

Январь

Это было так давно;
Это было так недавно;
Не стареют все равно
Песни старые о главном.
Мир торопится вперед,
Сыпет снег, шуршит листвою,
Повторяя каждый год
И большое, и простое.
Давно отцвели мандарины и груши,

Теперь о зиме стало время послушать.
Она шумит, шумит. Не страшно,
Когда бураны далеки.
Но вот уже к стеклянным башням
Несутся белые полки.
Их посчитать не смог никто бы.
Взошла над городом заря –
По пояс выросли сугробы,
Все в изумрудах января.
Зевая, дворники сурово
Снежинок гонят со двора,
А те назавтра лягут снова –
И двор белее, чем вчера.
И носится вихрем холод-злодей,
Вбивая сосульки в стальных лошадей.
Накрыты зимою бетон и стекло;
Народ второпях собирает тепло.
Зазвенело, застучало:
– За удачное начало!
– За согласие мировое!
Выпьем, миленький, с тобою.
– Нам не надо новой грусти
Мы ее к себе не пустим –
Есть бутылки на столе –
Встретим год навеселе!
В новом месте новый ящик

Полон писем он входящих,
Устарела пропись, но:
Но письмо – всегда письмо.
... Отшумели выхлопы праздничных шутих,
Улицы замкнулись и народ притих.
С фонарей свисает синь январских дней,
Молодежь болтает о любви своей.
– Сядь поближе, милый друг;
Все по-старому вокруг.
Поменялись только лица –
Мир не в силах измениться.
Это было так давно;
Это было так недавно;
Не стареют все равно
Песни старые о главном.

...

Серенаду в шорохе ветвей,
Разыграли северные трубы,
Под нее российский выюговой
Юную пургу целует в губы.
И она
Рыдает как дитя,
И она
Смеется и хохочет,
И вдвоем
Летят они, летят –

В голубые дни и густые ночи.
Им давно уж стало горячо,
От любви нечаянной и милой.
Где-то высоко река течет,
Ну а на земле она застыла.
Дарят свет
Уснувшие поля,
Дарят свет
Раскидистые рощи;
Погляди – весь мир из хрустала,
На ветру звенит и неслышно ропщет...

...

Прятать валенки не к спеху:
После святок балагурия,
Юный год на санках съехал
В разыгравшуюся бурю.
И под шубой мостовая,
На ветвях гирлянды стыннут,
Снег метет, не уставая –
Ковш небесный опрокинут.
В этой липкой белой пене,
Охая, согнув колени,
Пробирается прохожий.
Он лишен колес – так что же?
Все колеса под замком.
Им не выбраться из плена,

Слабоваты их колена
Перед зимним каблуком.
Снег метет, кисель густеет,
В молоке холодном сварен.
Разогреть его не смеет
Даже самый важный барин.
Пляшет вьюга в подворотне –
На нее сердиться? Бросьте:
Вдруг она подружек сотни
Позовет на завтра в гости?

Оттепель

Почернел ледок на горке,
Бурий снег под серой коркой,
Сверху донизу обкусан –
На дворе четыре с плюсом.
Стужа в страхе укатилась,
Оттого туман и сырость.
Но разгул стихии слезной
Успокоит день морозный.
Утром выйдешь – все кругом
Ледяным блестит стеклом.
Застеклить – таков обычай,
Если вдруг зима захнычет.
...Тает снег, капель стучит,
А вода журчит, журчит,

Подражая птице певчей –
Но от этого не легче.

...

Стужа бедная простыла,
Все морозы гонит вон.
Носом шмыгает уныло,
Утираясь рукавом.
И болезнь ее незримо
Под ногами растеклась:
Белоснежная перина
На лоскутья порвалась,
Гольшом рябины пляшут,
Галки стонут по дворам,
Сапоги хлебают кашу
С черной солью пополам.
То ли плачет, то ли шутит
Мир, теплея с каждым днем,
И все выше столбик ртути
Наползает над нулем.

...

Февраль

Замело холмы и ямы,
Занесло пруды и лужи,
У забора куст упрямый
Почернел в объятых стужи.
– Ах ты, крепкая чертовка,

Хоть и бродишь налегке.
Я тобой окручен ловко,
Словно корка в молоке.
– Ах ты жисть моя жестянка!
Будь я парнем деревенским,
Убежал бы спозаранку –
Только некуда и не с кем.
– Ничего! Стоять – не падать!
А терпеть – не умирать!
Ведь зима как будто рада
Мои плечи обнимать!
– Так пускай сильней целует!
– Так пускай обнимет вновь!
Валит снег напропалую,
Вяжет зимнюю любовь.

...

Отрыдал февраль – и снова
Сделался угрюм и грозен.
Гроздья гнева ледяного
С крыш летят и бьются оземь.
Под ногами скрежет, скрип.
– Здесь не галерея:
Над крыльцом кулак прилип –
Проходи скорее!
Наша русская земля
Вся в обломках хрусталя.

Полежало то стекло,
Вазою не стало
И куда-то утекло –
Знать, таланту мало.
Хоть ты скинься по рублю,
Хоть надень цилиндр хмурый –
Не под силу февралю
Изготавливать скульптуры.
Где его узор резной?
Где лазурь? – В сибирской роще.
А в Москве он просто злой,
Облака в дыму полощет.
Звон разносится жестокий
Над Лубянской и над Пресней...
Правду скажем – на востоке
Наш февраль поинтересней.
...
Нет покоя сердечным ранам.
Сколько в мире печальных вестей!
Оказался февраль обманом
Из бракованных запчастей.
На ходу и скрипит, и ноет.
Опустели его закрома.
Отовсюду уж дышит весной,
И зима уже – не зима.
Жидкий студень нам пятки лижет –

Не пройти, не проехать конем;
Мы, наверное, к солнцу ближе
Придвигаемся день за днем.
Но даритель света, важен и пузат,
В ожиданье лета пятится назад.
И горит проклятьем пятен черных свора –
В жаркие объятия попадем не скоро.
Есть еще у мороза оковы,
Есть румянец еще для столиц.
И от этого хочется снова
Целовать на морозе девиц.
В переходах, на улицах, в парках –
Ради этого ищут места
Те, кто искры души своей жаркой
Друг для друга дарить не устал.
И в насмешку сердечным ранам,
В царстве снега и черных коряг
Новомартовские бураны
Принимаем за белый флаг.

Великий Пост

Горячо пылает печка,
Звонко тикают часы,
На столе блестит колечко
Краснощекой колбасы.
Ароматный и румяный,
Гусь надул сердито бок.

Рядом миска со сметаной,
Сливки жирных чугунок.
Караси шипят, дымятся...
Нет, наверно, неспроста
Эти яства кошке снятся
Средь Великого поста!
Удивительные блюда
Кружат в танце перед ней,
Появляясь ниоткуда
Все вкуснее и вкусней!
Рыбки свеженькой ушаты,
Бочки с медом и халвой...
Дремлет Мурка, а мышата
Шмыг да шмыг по кладовой.

Конец зимы

Рукава седого пуха
Разорвались до локтя -
За рекой зима-старуха
Бродит, жалобно кряхтя.
Постучит, в кустах порыщет,
Свистнет птицам вдалеке
И найдет пушистый прыщик
У ракиты на щеке.
И рассерженная, злая,
Будет косы ей трепать,
Неохотно признавая,

Что с весной не совладать.
Что мороз давно забился
Под сухой трухлявый пенё,
Одеялом сна укрылся
И молчит который день.
Что синица на опушке
Пьёт студеную росу,
А у вербы две веснушки
На пупырчатом носу.

...

Подобрел мороз теперь –
Щиплетя без злобы.
Бьет веселая капель
В талые сугробы.
И зиме пришла беда:
Тяжко, ей, убогой.
Села в сани изо льда,
Приказала: “Трогай!”
Зазвенели бубенцы,
Ветры засвистели;
До свиданья, жеребцы,
Белые метели!
Снег укатанный скрипит,
Кони скачут цугом,
Серебром из-под копыт,
Плещут друг на друга.

Где ж зима? – она в санях
Охает, больная,
Дням весенним второпях
Место уступая.

Март

По весне теплеет улица,
Люди снежные сутулятся:
Мужички с носами броскими,
Снегобабушки с авоськами,
Снегодевушки с обочины
Смотрят в небо озабоченно –
На свету худеют платьица,
По ногам слезинки катятся...
– Ну зачем так тепло, так тепло?
Все трещит как простое стекло,
Ночь заплату наложит едва –
А на утро посмотришь – трава...
Тягомотно от мартовских зорь,
Не проходит весенняя хворь,
Только сердце земное стучит,
Не желает снежинок лечить.

...

Дремлет улица пустая.
Головой фонарь поник.
Март на нем сидит, листая
Чей-то скомканный дневник.

Полинявшие страницы...
... Где жену найти вторую,
Перекошенные лица...
Где, когда и как воруют...
Всех врагов обезоружив,
Холод лезет напролом.
Ожерелья липких кружев
Оплетают каждый дом.
Март как будто не причем...
... Про приятелей по вкусам.
Он еще не все прочел...
... Про полезный людям мусор.
Лед дороги в скользкий панцирь
Как на святки заковал.
Нет, не кончен зимний бал –
Снег кружится в буйном танце,
Вьюга на ходу легка,
Все летит, и вереницей
Разлетаются страницы
Брошенного дневника.

...

Град пронесся над Калугой
И разбился о каток.
Со строптивою подругой
Поругался здесь Марток.
Уж два раза по щекам

Получил.

Счеты сводятся к счетам

Без причин.

Ведь красавица-подруга –

Из глуши сибирской вьюга!

Непреклонная девица,

Любящая побраниться:

– Что стучишься в небо лбом?

– Что валяешься, как барин?

– В отношении деловом

Ты ничтожен и бездарен.

Мне апрельские хоромы.

Обещал?

Сам гуляешь по знакомым

Овощам!

Меркантильная подруга,

Из глуши сибирской вьюга!

Так и сыпет, так и бьет,

Уважает только лед.

Бедный Март. Что ей сказать?

Что эпоха на излете?

И зиме-то он не зять,

И у прочих не в почете.

Не рожденный быть жестоким,

Март ругаться нездоров.

А с небес текут потоки

Настоящих грубых слов:

–...Кучный неуч!... мучь!.... Дремуч!

Распоясавшись, подруга,

Из глуши сибирской выюга

Выкрикнула из-за туч:

–Я ли... – Ты ли... – Еле... – Мыли...

И пропала. Нет ее.

Может, где-то на Таймыре

Выюга выловит свое

Царство сказочного блеска,

Мир серебряного треска.

Нет больше сцен. И жизнь смешна.

Хохочет почка под корою:

Подруга гордая ушла,

Отдавшись не тому герою.

Март, задумчив и сердит,

Ищет радости в Рязани.

На чужих подруг глядит

Он прозрачными глазами.

И не в силах он любить

Их, внутри таких горячих,

И не в силах остудить –

Март грустит, вот-вот заплачет.

Неудачный, видно, день...

Что ж? – Мерси.

Много новых деревень

На Руси.

Здесь его никто не знает,

Здесь его никто не ждет.

Но одна заноза злая

Его сердце больно жмет.

Это странная заноза

Крепче стали и мороза,

Старше сосен вековых

И живее всех живых.

Апрель

Запоздалые метели

Тянут зиму из постели,

Чтобы сделались погуще

Замороженные щи.

Но зима объята хмелем,

Очарована апрелем,

Его песнью всемогущей,

От которой лед трещит.

Морозильные войска

Убегают в отпуска.

Убегают не впервые

Маршалы и рядовые,

И от их дрожащих ног

Шар земной совсем промок.

Свет настойчивей и чаще

Проникает в сердце чаши,

Где трясется в обороне
Полк студёных партизан.
Все напрасно. Все утонут.
Всех проглотит тёплый омут.
Знамя холода уронят.
Как же тут не быть слезам?

...

Веселится птичья стая.
Мир от холода спасен.
Зимний сахар уж растаял,
Остальное – мы снесем.
Больше слез и больше грязи,
Драгоценности – в утиль,
Чтобы зимний плод фантазий
Нам погоды не мутил.
Вчера текло, течет сегодня.
Роняют шубы тополя.
И вот уже в одном исподнем
Гудит набухшая земля.
И без всяких сожалений,
Налегке гуляют музы.
Лучше голые колени,
Чем колючие рейтузы.
Мало току в той одежде –
Белый цвет давно обиден.
Мы любили зиму прежде,

А сегодня – ненавидим.
В бикини ходит тетя Света;
Метлой орудует Рашид;
Земля по-прежнему раздета
И одеваться не спешит.

...

Дух весны живой, пахучий,
Наполняет города.
Где лежали снега кучи –
Плещет талая вода.
Утро звонче и светлее,
Вместо инея – роса,
И прозрачные аллеи
Тянут руки в небеса.
Солнце колет, солнце режет
Полированный гранит;
Ослепительная свежесть
Людам голову пьянит.
И бегут-бегут надежды,
Набирают тон привычный:
Чтобы все было как прежде,
Но чуть-чуть оптимистичней.

Май

Разбежались воды мая,
Погуляли в прежнем стиле
И сошли. Земля родная,

Ты согласна зацвести ли?
Ведь ростки в твоей груди
Пустотою недовольны;
Их давно уж разбудил
Звон далекой колокольни.
Ведь уже из новой ткани
Шьют наряды, слава Богу,
Морщась юными листками,
И мечтая понемногу.
Все мечтают – там и тут;
Даже на щербатом дубе
Желтые сережки ждут,
Что их кто-нибудь полюбит.
Жизнь вернулась в буреломы,
Ей и весело, и тесно.
Даже в шорохе соломы
Есть желание воскреснуть.

...

На небосклоне безмятежность.
Погода – здесь и вдалеке –
Разносит солнечную нежность,
Собой любуется в реке.
Ушла пора занятий грешных.
Река не топит больше жен.
Она задумчива, неспешна,
И целый мир в ней отражен.

Но даже если он из стали,
Едва ль бессмертна эта сталь.
Картины прежние пропали,
И наша пропадет... Как жаль.
В сердце зреет укоризна,
А вокруг – душистый май!
Вот бы той воде капризной
Приказать:
– Запоминай!
Сохрани, хотя бы вкратце,
Свежесть утра, блеск травы.
Чтобы прошлым любоваться
Без приборов. Но увы.
Как странно думать, что случайно
Вода смывает времена.
Любой секрет, любая тайна
Растает, не дойдя до дна.
И тихо вновь. О чем-то вешнем
Шуршит кокетливо листва.
Река бежит, бежит неспешно;
Ей дела нет до волшебства.

Июнь

Не проснулся цвет малины,
Цвет сиреневый зачах.
Только шорох тополиный
Ветер носит на плечах.

Перепутанные кудри
Распустились как-то разом –
И наутро белой пудрой
Целый город перемазан
Снег теперь теплой и суше,
Не грозит морозным жалом,
А всего лишь в нос и в уши
Залезает горожанам
Он как будто ненарочно
Смотрит в окна, смотрит в двери
Этот снег такой дотошный –
Все ненужное проверит.
Не проснулся цвет малины,
Цвет сиреневый погас,
Только шорох тополиный
На бегу щекочет нас.

...

Плещет светом восход,
Догорает луна как свеча,
Из далеких болот
Ручеек пробирался, журча.
Вил хрустальную нить
К темным чащам, к открытым полянам
Растолкать, разбудить
Все, что спит под пуховым туманом.
Листья тихо гудят,

Бурелом сочной травью зарос.
Из крапивы глядят
Кости старых осин и берез.
Но ручью нипочем
Буйство зарослей, пни да коряги –
Он журчит, он течет,
Сыплет гроздя сверкающей влаги.
Зяблик песнь подхватил –
Зазвенела она как стрела.
Серебристый мотив
Слышу в песнях чижа и щегла.
Пой, ручей, злу назло!
Пой назло непогоде ненастной,
Пой, чтоб добрым везло,
Чтобы солнце горело, не гасло!

Июль

Кружат листья над водой,
Рвутся выше, выше –
Это ветер молодой
С огорченьем дышит.
Гармоничен будто стих
Вдох его и выдох;
Ветер стонет о своих
Планах и обидах.
То ли он упал со скал
Прямо в лог скрипящий,

То ли счастье потерял
Средь бетонной чащи...
Может быть, его жена
Выгнала из спальни?
Нет ответа. И нет сна.
Сделалось печальней
Тем, кто ходит на ветру.
Но – быть может – поутру
Огорченье это все
Сам же ветер унесет?
Может быть, и весть худую
Незаметно ветром сдует?
И растают без следа
В чьем-то сердце глыбы льда...
Как бы стало хорошо,
Если б та дурная сила,
Что приносит бед мешок,
Их сама же уносила!

...

Не хотим гулять по зебре,
Не хотим дышать в газетах –
Нас все время тянет в дебри,
Где нет клавиш и розеток.
Этот лес тысячелетний,
Волны зелени широкой;
Птичьи голоса и сплетни,

Разносимые сорокой;
Этот цвет малины встречной,
Краски, модные без моды;
Эта простота и вечность
Неиспорченной природы.
Старый лес не строит козни,
Не рычит, и здесь, на пне
Разговоры о серьезном
Легче и тебе, и мне.
Здесь, без офисных азалий,
Вдалеке от новых сел,
Мы б друг другу рассказали
О прекрасном. Обо всем.

Колыбельная

Кот улегся на бочок,
Ночь на волю вышла.
Где-то в погребке сверчок
Щелкает чуть слышно:
– Баю-баю, день, отчаль.
Унеси с собой печаль.
Пусть обидный голос твой
Зарастет густой травой.
Месяц тьму теснит плечом,
Зажигает свечки.
Тихо-тихо. Лишь сверчок
Щелкает на печке:

– Баю-баю, милый край.
Спи, усни, не унывай.
Все, что не успели днем,
Утром заново начнем.
Высоко туман течет
Из краев нездешних.
Все уснуло. Лишь сверчок.
Щелкает под стрешней:
– Баю-баю, огоньки,
В огороде сорняки,
А в лесу ромашки,
Белые рубашки.

Летняя жара

Лето. Лето. Жар ползучий.
Небо чисто – да не впрок.
Всем, наверное, наскучил
Голубой его платок.
Загрустил наш край черничный
После водных сороковин.
Непонятно, необычно
Видеть сразу столько бревен.
Чаща – в тополиных звездах;
Комары – и те застыли;
Здесь один и тот же воздух,
Полный запаха пустыни.

–Ветер в отпуске, вестимо,
Дует где-то не для нас.
Золотая Палестина
С ним целуется сейчас.
Заколдуй, его, горчица,
Заколдуй, душистый клевер,
Заколдуй, могучий плевел,
Заколдуй – и он примчится.
Сгонит жар. Подарит дождь
Дорогой небесный вождь.
Он не может не случиться,
Может быть, уже он мчится –
Повелитель водных струй.
Ну, колдуй, колдуй, колдуй!...

В память жары-2010

Жизнь прошла и песня спета –
Осыпается малина,
В океане злого света
Тонет русская равнина.
Пожелтело чисто поле;
На земле, сухой и пресной,
Листья морщатся от боли
И шуршат не наши песни:
“Раскаляйся, солнце злое!
Пусть из рек уйдет вода!
Пусть горючей едкой мглою

Закрывает города!

Жги сильнее, жги без дрожи –

Трепещите ж, вы, глупцы:

Гнев пожара уничтожит

И заборы, и дворцы.

... Мир обуглен, мир засушен

Из игры Вселенской выбыл;

Мы отдали Богу души

Или дьяволу – на выбор...

Ну, а солнцу – чем заняться?

Согревать вселенский иней?

Или, может, красоваться

Над безликою пустыней?

Но томясь в жестокой скуке,

Вспомнит солнце нас? – Едва ли,

Хоть к нему тянули руки,

Каждый лучик прославляли.

Только, ясное, напрасно

Ты деревья жжешь, как свечи:

Все равно ведь Богу ясно,

Что огонь не бесконечен,

Что за ним приходит туча

И лучам твоим не внемля,

Дождь веселый, дождь могучий

Возрождает нашу землю.”

Летние дожди

Сцена старая в окне:
Капли пляшут круговую,
Свет на черном полотне
Пишет линию кривую.
Дни и ночи напролет
От воды береза киснет;
Гром вверху передает
Зашифрованные письма.
Вереницы странных фраз –
Вот одна, за ней – другая...
Может, небо хвалит нас?
Нет – наверное, ругает.
Пусть ругает; мы не прочь.
Сами любим побраниться.
Ведь не зря и день, и ночь
Носим траурные лица.
И причина есть всегда
Погрустить и поругаться.
–Вот... беда – кругом.... вода!
(Затыкайте уши, братцы).

Август

Отгремело небо злое.
Приглядевшись к юным лицам,
С новым августовским зноем
Захотело подружиться,
И добывши красок где-то,

Ради одного сюрприза,
Васильковым нежным цветом
Растеклось вверху и снизу.
Но в жаре той запоздалой
Нет уж колкости акаций:
Воздух, словно добрый малый,
Просто хочет обниматься.
Жарь сильнее! Ну же! Лей
В губы поцелуй горячий,
Чтоб забылся поскорей
Привкус старой неудачи.
Без него надежней жить
И, воспрянувши душою,
Очень тянет сотворить
Что-то новое, большое.

...

Август, где твои права?
Ты под веткой молочая
Съежился, не замечая,
Что уже в лесу трава
Пересушена, помята.
Весь брусничник розовый.
Пробиваются опята
На спине березовой.
Нет малиновой игры,
По небу гремит Никола,

Ослабели комары
И не делают укулов.
А певец, зеленый чиж
Что-то где-то пропиликал –
И отправился в Париж
Вплоть до будущих каникул.
Августу пора уйти.
Он исчезнет, бесшабашен...
Но останется в IT.
И в груди.
И в сердце нашем.

Сентябрь

Отдохнули – и жить стало проще:
Нет нужды рифмовать на ходу,
Сентябрем обожженные рощи
Приглашают вернуться к труду.
Чтоб выматываясь и потея,
Наполнять содержанием дни,
Чтобы в сердце тревожном затея
Не кипела от той болтовни.
Есть ли польза в хорошей фразе?
Сколько в мире хороших фраз!
Хризантемы в обычной вазе
Побеждают слова уж не раз.
Современность бросает вызов,
Заставляет платить за уют.

Раззолоченные сервизы
Сами чая в себя не нальют!
Улетают плоды от акаций,
Просит ветер метлой помахать:
Ветру хочется чем-то заняться
И не хочется отдыхать.

...

Ветер хлесткий, ветер рьяный
Раздувает клен багряный.
Лишь тряхнет он головой –
Дождик льется золотой.
Под ногами скок да скок
Расписной калейдоскоп.
Листья кружатся, шурша –
Ай да осень хороша!
Пешеходу на ладонь
Упадет живой огонь,
Золоченый лист в руках
Ярче солнца в облаках!
Позабыв про сон и сказки,
Осень пляшет трепака,
Разыгравшиеся краски
Убегают в облака.
Пусть они летят как птицы,
Возвращаясь год от года.
Им уютиться не годится -

Осень все-таки. Свобода.

...

Как прекрасен вид пожарищ

Над беспечной головой!

Град – сентябрьский товарищ –

Повалил забор кривой.

На часах один-ноль восемь,

Не блестит еще роса,

А сентябрь гонит осень

В подмосковные леса.

Спит охрана в шалаше –

Так спокойно на душе

Так приятно, всем на память,

Понемножку хулиганить:

Оборвать головки роз,

Растревожить ветки,

Чужестранцам дернуть нос

И поджечь беседки.

Пусть горят дворцы и дачи,

Чтоб не смели дальше лезть.

Я смеюсь – нельзя иначе –

Веселит святая месть.

Все зеленое – на свалку

Все трухлявое – долой!

Юной осени не жалко

Зажигать своей стрелой

И деревья, и сады,
И заросшие пруды,
И заброшенные нивы –
Алый цвет такой красивый!

Октябрь

Небосвод, нахмурия брови,
Почернел. Бегут паяцы.
Стал октябрь наготове
Красным знаменем подняться
Все краснеет. Лишь сирень,
Притворилась пнем усталым,
Сохраняет каждый день
Верность прежним идеалам.
Но октябрь – он горд и зол –
Выписал расстрельный ордер:
Дождь как конница прошел,
Бил предателя по морде.
И других – рубил и выл.
Все в покорности согнулось.
Туча отступила в тыл,
А потом – назад вернулась...
Дождь идет. Земля от дрожи
Насаждает цвет кровавый.
Дождь идет. Он хочет тоже
Насладится новой славой.

...

Слышен шорох за окном.
В поредевших кудрях клена
Плещут красные знамена,
Не дают забыться сном.
Знают: скоро будет ливень.
И в Москве, и под Ельцом
Клену хуже чем крапиве
Перед осени лицом.
Дождь октябрьский не промах –
Весь наш край давно пристрелян.
Нет, не спрятаться в хоромах
Ни царям, ни менестрелям.
Их белесые носы
И румяные затылки
Поливает из бутылки
Октября. Ничьей красы
Не щадит он, обрывая
Объявления с сарая;
В луже тонут чьи-то сплетни,
Те, что рождены весной,
Что цвели с жарою летней,
И теперь лишь лист пустой.
(Их, возможно, вдоль аллеи
Кто-нибудь еще расклеит)
Но октябрь день и ночь
Вслед за стаей журавлиной

Гонит, гонит, гонит прочь
Листья вместе с писаниной –
Силы нет, чтоб им помочь.
В золоте осенний путь.
Тяжелы дела у клена:

Ему хочется вздремнуть
И не уронить знамена.

ОСЕННИЕ ОКНА

Световые генералы
Снова битву проиграли,
И старинные кварталы
В царство сумерек попали.
Сон повис на каждой лампе,
Пряча лужи и ступени.
Скачут с бампера на бампер
Расшалившиеся тени.
Все дворы в тягучем дегте,
Превратилась в нечисть липа,
Тьма о стену точит когти
И пугает каждым скрипом.
Но зажгу – назло тревоге –
Сотню вольт, а лучше – тыщу!
Пусть на черные дороги
Смотрят желтые глазищи.
Пусть застенчивый прохожий
Будет с ночью наравне;

Пусть ему чуть-чуть поможет
Этот свет в моем окне.
Утром, в ярости напрасной
Ночь умчится в Порто-Ново.
Рассветает. Окна гаснут,
Чтоб потом зажечься снова.

...

Тишиною дом одет.
Сквозь ее вечерний кокон
Непрерывно льется свет
Молодых и старых окон.
Словно радуга на части
В нем сейчас разделена;
Сокровенной краской страсти
Плещет с каждого окна.
Алый – горд и деловит,
Розовый – сентиментален,
Фиолетовый твердит,
Что нельзя жить без читален.
Он ругает синий стыд
И оранжевые шорты.
Волшебство в зеленом спит.
А над всеми правит желтый.
Только вспыхнет он – и сразу
По неслышному приказу
Золотая эстафета

Растечется по домам.
Ряд за рядом, строй за строем,
С разноцветною искрою,
Громоздятся волны света
И подмигивают нам.
Тишиною дом одет.
Но под покрывалом сонным
Тихо-тихо льется свет
Одиноким и влюбленным.

Ноябрь

Межсезонье.
В скуке давней лес кряхтит.
Стучат о камни капли иногда.
Слезищи по кустам.
Калину ищут две сороки.
Спит синица на носу у ели.
Снится ей горох, быть может?
Чародей с косматой рожей?
Или мчится перед ней
Вереница будних дней?
Нет – синица видит сказку,
Где в пучине белой, вязкой,
Никогда не стынут рощи,
Где вся жизнь намного проще.
Шепчет ветер: «Полетели!
Есть земля волшебных грез,

Тех, которые всерьез,
Не во сне – на самом деле!
Лес там радостней и краше,
Но не наш. Там все не наше.»
Но синице все едино -
Не летит. Сидит надутый.
Холод осени родимой
Ей дороже почему-то.

...

Осень нагулялась, села на забор.
Думает она о чем-то кислом.
“Не вернешь природе золотой убор”.
“Не разгонишь тучи коромыслом”.
Голые заборы, голые леса.
Даже бурелом какой-то тощий.
Березняк, рыдая, жалобу писал
Про свои березовые мощи.
Что же делать, братцы? – ждите, вот и все;
Что упало, не вернешь обратно;
Скоро будет выюга, выюга принесет
Меховые россыпи бесплатно.
Будут вам и шубы, будут и пальто,
Валенки и шапки в десять сажен.
Хоть и нецветные – теплые зато.
Нам зимою цвет не очень важен.

...

Лента света, глядя из тумана,
Заиграла рябью на воде.
Говорят, зима приходит рано –
Только нет следов ее нигде.
Белый цвет лежит лишь на бумаге,
Только там бураны и метель.
А вокруг рябиновые флаги
Накрывают черную постель.
Чернота повисла тяжелой гирей,
Нагоняет скуку, как и встарь.
Кто-то врет, наверно, в этом мире –
То ли небо, то ли календарь...
Вот уже ежи из норок вышли,
Почки зеленеют там и тут,
И, я верю, очень скоро вишни
Под окном любимой зацветут.

...

Лес теперь намного тише.
Не гудит, не скрипнет даже.
Из кустов Ноябрь вышел,
Мастер хмурого пейзажа.
На обочине Европы
Пишет сумерки и лужи,
Он прокладывает тропы,
По которым бродит стужа.
Он своей унылой кистью

Нагоняет мрачный колер:
Черный лес на черных листьях –
Навсегда как будто помер
И застыл в покорной позе.
Перед Ноябрьем трепещет –
Намекают о морозе
Все ноябрьские вещи.
Только сам Певец рутины
Смотрит на зиму с опаской –
Ведь она его картины
В пух разносит белой краской.

Декабрь

Осень кончилась. День третий
Как зима село тревожит.
Хочет новенькое встретить,
А везде – одно и то же:
Полон двор листвою дряблой,
Сад раздет и неумыт,
Урожай последних яблок
Белой скатертью накрыт.
Он как будто не по вкусу
Ни мышам, ни воробьям.
У рябин алеют бусы.
На столбе – «Продам баян».
И грохочет во все горло

Петушок краснобородый:
– Межсезонье зубы стерло
У доверчивой природы!
Но без них, наверно, туго.
Вот зима в четыре пальца
Свистнет – и сейчас же выюга
В снег подмешивает кальций,
Ночью бегают босая,
Утром прячется за бани
И уже других кусает
Обновленными зубами.

...

Нет у декабря любимой.
Плача от такой невзгоды,
Бьет он мокрою дубиной
По творениям природы.
И сверкающий сосуд
Рухнул со студеной полки.
Ветры по миру несут
Серебристые осколки.
За осколками – туман;
За туманом – белый шорох;
В рубище стоит каштан,
Вспоминает об узорах.
Каждый день – метельный свист,
Солнце катится не грея.

Чудом уцелевший лист

Шепчет:

– Что за лотерея!...

А декабрь ему в ответ:

«Ну так помоги мне!»

Что ж – листок дает совет

О погоде зимней,

О гаданье на воде,

О делах потомства,

И о том, когда и где

Завести знакомство.

...

Леса давно нехожены.

Отважен и суров,

В тумане замороженном

Крадется зверолов.

Крадется он с добычей

Три ночи напролет.

Повсюду голос птичий

Ему куплет поет:

“Налево, направо, кругом обойдешь

На старой опушке, что ищешь, найдешь”.

Друг другу шепчут ели:

– Какие голоса?!

Все птицы до апреля

Сменили адреса.

Остались только совы,
Певуньи еще те –
Мышей носить здоровы
В пушистом животе.
А голос упрямо болтает “Не верь!
Наступишь на кочку – откроется дверь”
Ловца не обманет.
Певучий магнит
На старой поляне
Усадьба стоит.
Вот кочка. – “Ну здравствуй,
Родимая печь!
– Непросто богатство
Свое уберечь”
Трудно стало жить богатым:
Заедают горе златом,
Запивают курсом акций,
И всего-всего бояться.
С детства прячутся по дачам
Кошелек свинцом накачан,
Как же выбросишь свинец –
Без него придет конец.
Новый Новый Год
Год, состарившись, уходит.
Белый сон лежит повсюду.
Ветры в небе хороводят,

Наколдовывают чудо.
И недаром целый вечер
На безлюдном перекрестке,
Обнажив тугие плечи,
Обнимаются березки.
Шаловливо друг у друга
Заплетают косы бантом –
Видно, чувственная выюга
Разнеслась под бой курантов.
Это зимнее ненастье,
Хоть и полное морозом,
Пожелать нам хочет счастья
Вопреки дурным прогнозам.
Тянутся шары и ленты
Вдоль высоковольтных линий.
Пляшут зимние студенты
Возле колыбели синей,
Где под сказку ветхой ночи
Дремлет тот, кого так ждем мы –
Собран и сосредоточен,
Крошечный, новорожденный.
И едва лишь он проснется,
Весь вниманьем окруженный,
Подмигнет и улыбнется:
– Ну, друзья, теперь зажжем мы!

Рождество

Спят березы. Спят осины.
Месяц, пользуясь родством,
Видит свет неугасимый
Ночью перед Рождеством.
Вечный свет! – Он всюду рядом,
Бесконечный вдоль и вширь,
Многозвездная лампада,
А под нею – монастырь.
А под нею мир огромный,
Где одни другим – помеха.
Где бегут от жизни скромной
В царство славы и успеха.
Где торжественным минутам
Счет ведем почти с рожденья.
Род людской давно опутан
Страстью самоутвержденья.
Но сиянье – то, что льется –
В ночь седьмого января –
В чутком сердце отзовется
И напомнит, что не зря
Есть внутри у нас отвага,
Что велит в любые будни
Понемногу делать благо.
Что велит быть безрассудней
К драгоценностям, купюрам,
Знакам благосостоянья,

Что на зависть тучам хмурым
Освящает Мирозданье.